

Записки воспитателя

Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ,
доктор
психологических наук,
профессор

(Окончание. Начало в № 7.)

Умеете ли вы застилать кровати?

Только не отвечайте слишком поспешно. Я четыре года жил в общежитии в комнате, которая считалась одной из лучших по застиланию кроватей, да и дома всегда сам осуществлял эту операцию. Но оказалось, что делать это по всем интернатским правилам я не умел. Говорят, есть вещи, которые можно постичь только в детстве. Вероятно, к ним относятся и застилание кроватей...

Первые дни мы заправляли кровати вместе с шефами. То есть шеф-шестиклассник застилал и время от времени снисходительно бросал первокласснику:

— Ну, видишь как надо? Хорошо?

Первоклассник стоял тут же, глазел по сторонам, но из вежливости кивал головой и время от времени подбадривал своего шефа:

— Вот это да! Вот здорово!

После исторического решения — “все делаем сами” — заправка кроватей стала богатым источником разнообразных переживаний.

Вот уж, кажется, все хорошо застелено. Но приходят члены санитарной комиссии, и изливается поток критических замечаний:

— Подушка стоит криво! Покрывало торчит. А вот здесь свисает до пола. Накидки не в одну линию. Занавески не натянуты.

И в заключение обидно-снисходительное:

— Ладно, поставим четыре. Все-таки первый класс.

Первый класс! А того не знают строгие контролеры из четвертого класса, что чуть ли не все кровати перед их приходом осмотрели и поправили воспитатели, и были очень довольны своей работой. Пришлось нам специально учиться искусству застилания кроватей у шестиклассников, а потом учить детей. Казалось, они никогда не смогут достичь совершенства, но прошло несколько недель — и все мои воспитанники вполне сносно научились это делать. Причем на каждом этапе этой комплексной операции появлялись свои чемпионы. Скоро

все знали, что покрывало лучше всех натягивает Гена К., ряды кроватей быстрее всех ровняет Сережа К., подушку лучше всех ставит Саша Б. Однажды, увидев, как аккуратно поставил он свою подушку, я сказал:

— У Саши подушка, как орел!

Моментально около его кровати собрались мальчики, а через минуту Ира А. привела и девочек.

— И правда. Как орел — ровненько-ровненько стоит — восхищался добродушный Валера М.

Самолюбивый Саша К. сделал вид, что это его совсем не интересует: подумаешь, подушка, зато он лучше всех читает... Леня К. тут же бросился к своей кровати и принялся взбивать подушку:

— Неужели я так не смогу?

А Ира А. сказала:

— У Наташи подушка тоже ровно стоит!

— А вот и нет! — возмутились мальчики.

— Ну пойдем посмотрим!

Завтрак оказался под угрозой срыва. Поэтому я сказал:

— Но пойдут не все. А только те, у кого лучше заправлены кровати. Саша, Жора и Ваня войдут в комиссию.

Так родилось соревнование между спальнями мальчиков и девочек.

Три мамы и один папа

Одно из наших интернатских правил: “Ботинки должны блестеть”. Но его было легче провозгласить, чем выполнить. Первые попытки почистить ботинки не увенчались успехом: гуталином были вымазаны чулки, руки, рубашки, а у Вовы К. даже кончик носа. Все блестело, кроме... ботинок. Дети отчаянно завидовали Свете Т. и Ире А.: им достались ботинки синего цвета, а соответствующего сапожного крема в кастиелянной не оказалось... Кончилось тем, что мне и Татьяне Ермолаевне пришлось стать “чистильщиками”. В институте нас этому, конечно, не учили — квалификацию мы приобрели в школе-интернате.

Но наука досталась нам нелегко. Дети выстраивались в ряд и по очереди к нам подходили. “Может быть, не очень педагогично чистить детям ботинки, но это лучше, чем позволять им ходить в грязных”, — рассуждали мы. И через несколько “уроков с демонстрацией” дети сами овладели этой хитрой наукой. Появились и рекордсмены по чистке обуви.

Приобрели мы в интернате еще одну “смежную” профессию.

В нашей школе не было своих душевых. Водили мы детей мыться в городскую баню. Может быть, поэтому в банный день у нас все было вверх дном. Ведь надо было одновременно и белье получить, и мыло, и мочалки, и кровати перестелить. Оговорюсь, что так было только в первом классе. Во втором дети делали все сами.

Но вот все получено, роздано детям, и мы весело шагали в баню. Там некоторые воспитатели ждали детей в вестибюле. Я завидовал их спокойствию

и выдержке. Мне казалось, что стоит моим воспитанникам остаться одним, как они или ошпарятся, или обольются ледяной водой и простынут. Кроме того, я видел, как приходят сверстники моих детей вместе с отцами, и не мог допустить, чтобы мои ученики чувствовали себя одинокими. Поэтому своих мальчишек я и в моечную сопровождал.

Кровати, ботинки, баня, сюда можно добавить и туалет. Кто-то спросит: неужели из этого складывалась вся работа воспитателя в первом классе? Конечно, нет. Но в первые недели подобные дела занимали очень много времени. Мы чувствовали, что быть воспитателями в школе-интернате — это значит быть мастерами на все руки (жаль, что мы не были таковыми), быть мамами и папами. Мы радовались, когда наши воспитанники то ли в шутку, то ли всерьез говорили Лилии Васильевне или Татьяне Ермолаевне “мама”, а мне — “папа”. Маня С. сказала однажды:

— У нас теперь три мамы и один папа!..

— Как это три мамы? — удивилась Наташа П.

— Очень просто: мама, потом Лилия Васильевна, потом Татьяна Ермолаевна — три. А Яков Львович — папа, один!

Ее формула была верна для 4/5 детей. А единственный папа такого большого семейства и радовался почетному титулу, и всячески старался оправдать его.

Когда можно разговаривать?

В первые дни в школе-интернате на моих воспитанников обрушилось множество запретов. Очень многое вдруг оказалось “нельзя”. Витя П. с удивлением узнал, что на уроке нельзя есть принесенный из столовой пряник. Саша Б. и Жора В. бегали по коридору и были наказаны старшей воспитательницей: бегать в школе нельзя. Но главное — нельзя разговаривать. В классе запрещает учительница, в столовой действует железный закон “когда я ем, я глух и нем”; в спальне “должна быть мертвая тишина”. Клара Самуиловна — воспитательница параллельного класса — рассказывала мне:

— Знаешь, подходит ко мне Игорь Ф. и спрашивает: “Скажите, пожалуйста, когда можно разговаривать?” Что я ему могла ответить?

Да, ответить было трудновато. Рамки режима ограничили детей со всех сторон, и надо было найти способ сделать их не такими жесткими. А это было нелегко.

Не знаю, кому пришла в голову мысль открыть в здании, где мы учились, школу-интернат. Крошечные, часто выходящие из строя умывальники превращали такую простую операцию, как умывание, в неразрешимую проблему. Ни одной игровой комнаты или комнаты отдыха, как и физкультурного зала и городка, не было. Собственно говоря, даже двора не было. Со всех сторон школу обступали каменные коробки строящихся зданий — строительные площадки наступали на топкий островок с десятком деревьев, который назывался школьным двором. Поблизости от школы — популярный в городе рынок, с другой стороны — заброшенное кладбище. Вместе с тем мы обязаны были помочь детям полюбить школу.

Однажды я объявил:

— Давайте, ребята, исследуем улицы, по которым мы ходим.

— Будем разведчиками! — подхватил Эрик Д.

С того дня мы никогда не проходили равнодушно мимо табличек с названием улиц.

— Улица Обувная! — читал Саша Г. — А почему она так называется?

— Я знаю! — кричит Коля А. — Обувь — это ботинки всякие, туфли, ну, в общем... по ней в обуви ходят.

— А по другим улицам как? Босиком, да? — засмеялся маленький большеглазый Жора В.

Руку подняла Света Т. Она даже в строю на улице по привычке поднимала руку, когда хотела что-либо сказать.

— Я догадалась: на этой улице фабрика есть такая, где обувь делают.

— Правильно, Света, сейчас пойдем и посмотрим на эту фабрику.

И вот мы уже не просто на улице Обувной, а пытаемся понять значение ее названия.

Так родились у нас эти беседы об улицах. Они потом разрослись да настоящих “исторических” изысканий.

Наговорившись и намечтавшись вдоволь, возвращались в школу. Возле ворот мы останавливались, ровняли ряды и хором кричали:

— Здравствуй, школа-интернат!

В голосах детей была радость, глаза весело блестели, но... все-таки тот, кто придумал открывать школы-интернаты в таких зданиях и в таких местах, вряд ли помнил свое детство.

Тайна

Все важно для человека, когда ему только 7—8 лет и он совсем недавно стал школьником. Часто самые незначительные вещи играют значительную роль в жизни ребенка. Да и само понимание значительности в этом мире маленького человека совсем не такое, как у взрослых. Сами того не замечая, мы даем детям множество поводов для переживаний и раздумий. Во взаимоотношениях воспитателя с воспитанниками огромное значение имеют бесконечно малые величины, за которыми нам трудно уследить. Но как тонко подмечает их ребенок через увеличительное стекло своей эмоциональности!

Прозвенел звонок отбоя. Дети притихли. Но никто не спит в густых сумерках затемненной спальни. Я подошел к кровати Валеры О., присел. Мальчик секунду полегал тихо, а потом я услышал его шепот:

— Яков Львович, а почему уже надо спать?

— Время пришло...

— А как это пришло? Что это такое — время?

Попробуй-ка объясни!

— Ну, вот смотри, — я наклонился над Валерой и поднес к его глазам руку с часами. — Видишь, где стрелки стоят? Уже 9 часов 15 минут.

Но Валера уже и не думал о времени, его философское настроение улетучилось.

— Ой, как светятся! — восхитился мальчик, показывая на фосфорический циферблат моей “Камы”. — Почему это они? Все равно как глаза у волка. Помните, вы нам читали?

А из разных углов спальни уже стали доноситься громкие и страстные шепоты:

— Что светится?

— Где волки?

— И нам покажите!

— Покажу тем, кто ляжет на правый бок и успокоится, — сказал я.

Все затихли. Я прошел по спальне и каждому показал “диковинные” часы. Дошла очередь и до Саши Г. Но он лежал, накрывшись с головой одеялом.

— А ты, Саша, не хочешь посмотреть?

— Хочу!

— Ну так смотри.

— Мне не надо показывать. Я себя плохо вел за ужином.

— Но ведь ты не будешь больше?

— Не знаю, может быть, и буду. Но я постараюсь.

— Конечно, я знаю: ты не подведешь. А теперь посмотри.

Саша откинул одеяло и долго не отрываясь смотрел на мерцающие зеленоватые точки, а потом сказал так тихо, что слышал только я один:

— Может быть, у моего папы тоже есть такие часы... Но он плохой. Уехал от нас... Я лучше буду на ваши смотреть.

И его рука крепко сжала мою. Потом он опять спрятался под одеяло и затих.

Утром во время подъема я почувствовал, что у мальчиков в отношении ко мне появилось что-то новое. Как будто мы доверили друг другу что-то очень сокровенное, как будто еще одна стена между нами разрушена.

А вот девочки выглядели обиженными. Они все утро о чем-то шушукались и умолкали, как только я к ним подходил. Время от времени между девочками и мальчиками вспыхивал какой-то жаркий спор и моментально затухал. Мне удалось уловить только: “Секрет, тайна!”

Наконец Лиза К. не выдержала и, подойдя ко мне, тихонько, как всегда, сказала:

— А мальчики говорят, что вы им какой-то секрет показали. А ведь мы себя тоже вчера хорошо вели...

Я даже не сразу сообразил, куда она клонит. Только выразительные взгляды на мою левую руку дали мне понять, в чем дело.

Потом мальчики рассказали, что они той ночью решили сделать светящиеся часы своим секретом. Но чувство справедливости взяло верх, и заговорщики быстро согласились, что несправедливо лишать девочек такого удовольствия, как смотреть на часы. Леня К. великодушно предложил:

— Ладно, может быть, вы им тоже вечером покажите...

— Если они будут хорошими, — добавил Гена К.

Вечером часы были показаны и девочкам. Они тихонько охали, но мне показалось, что только из вежливости. В сердцах мальчиков оказалось больше романтики. Зато у девочек было больше чего-то другого, что трудно определить одним словом. Лучше описать.

С тех пор, как подъем для меня и детей перестал быть цепью маленьких катастроф, я полюбил утренние минуты перед пробуждением моих воспитанников. Еще совсем тихо в спальне. У Люды П., как всегда, одеяло на полу. Тома Т. сунула под подушку чулки, и теперь они предательски оттуда выглядывают. Наташа М. положила возле себя сверток: в полотенце завернуто мыло, порошок и щетка — решила не опаздывать в умывальник. А Люда Л. сегодня дежурная, она уже встала и тихонько одевается. Присаживаюсь на диван в коридоре. Дверь в спальню открыта. Дети начинают ворочаться, многие просыпаются до звонка. В эти утренние минуты можно услышать кое-что интересное. Вот и сегодня между девочками начинается неспешный разговор. Выделяется хрипловатый голос Гали Р.:

— А вчера, когда я засыпала уже, ко мне подошел Яков Львович, подоткнул под спинку одеяло и погладил меня. Он такой ласковый...

— И ко мне подходил.

— А мне вот так по волосам провел.

— А мне подушку поправил.

Люда П. со вздохом говорит:

— А я сразу заснула. Не знаю. Ко мне не подходил, наверное.

— Подходил. Я видела, — успокаивает ее кто-то.

И мне видно, как Люда счастливо улыбается, а делает она это редко...

А однажды утром мне сказали:

— Лиза вчера плакала ночью. И Наташа! И Таня! Все почти плакали.

— Что случилось? — встревожился я.

Но девочки молчали. Тогда я обратился к старосте спальни Лизе П.:

— Лиза, ты должна мне все рассказать.

— А вы вчера рассердились на нас из-за Маши и скоренько ушли после отбоя, — запинаясь и краснея, выдавила девочка. Ей на помощь пришли подружки:

— Вы ушли. И дверью хлопнули, и спокойной ночи не сказали, — выпалила Наташа.

— Тогда Таня сказала, — продолжила Лиза, — наверное, Яков Львович так обиделся, что совсем уйдет из нашего класса. И мы стали плакать.

— Это все Маня виновата, — заявила Ира А.

— И не Маня, а Таня. Зачем сказала, что Яков Львович уйдет? — возразила Света.

Но главного виновника они так и не нашли. С тех пор я старался никогда не хлопать дверью. Никогда... кроме тех редких случаев, когда, по моему мнению, это могло быть полезным.

Иногда дети кажутся неблагодарными. Вероятно, это происходит от того, что наша забота для них столь же необходима, но так же естественна, как воздух. А кто же благодарит за воздух?

Но происходит что-нибудь совсем непримечательное, а ты чувствуешь себя так, как будто получил награду, которую очень трудно оправдать. Помню, такую награду выдал мне Леня К.:

— Если бы я был волшебником, то превратил бы вас в богатыря, красивого и сильного.

Секунду подумал и добавил:

— Вы, конечно, и так красивый...

Разве можно говорить после этого о детской неблагодарности или нечуткости?!

— Вы на меня рассердились? — спрашивает Толя С.

— Нет. С чего ты взял?

— А вы меня по фамилии вчера назвали, а не Толиком, как всегда.

Шалун и проказник Коля Ж. просит воспитательницу:

— Называйте меня Колечка. Почему меня никто так не зовет?

Их огромное число, этих бесконечно малых величин воспитания. В их тайны нелегко проникнуть, их трудно заметить, еще труднее описать и вставить в учебник. Их можно только чувствовать. И если ты их не чувствуешь, тогда плохо, тогда надо искать другую профессию. Говорят: “Спортсмен в форме”. И ждут от него больших достижений. Воспитатель бывает в форме тогда, когда может ответить себе на вопрос:

— Какие сегодня у меня отношения с Сашами, Наташами, Сережами, с каждым воспитанником в отдельности и с классом в целом?